

Александр Теофанов

**Воспитанники Киево-Могиланской академии
в Московском университете
второй половины XVIII — первой четверти XIX века**

Студенты Киево-Могиланской академии давно привлекали внимание исследователей. Из работ дореволюционного периода, где отведено определенное место воспитанникам Академии, которые продолжили свою деятельность вне ее стен, и конкретно в Московском университете, следует упомянуть книги В. И. Аскоченского и В. Н. Серебренникова¹, а из сочинений обзорного характера по истории духовного образования в России — весьма насыщенную фактологически работу П. В. Знаменского, выпущенную в Казани в 1881 г.²

Среди современных исследований необходимо выделить статьи, написанные с применением просопографического подхода, т. е. метода создания коллективных биографий³, а из новых энциклопедических справочников — изданный в 2001 г. биографиче-

¹ Аскоченский В. И. *История Киевской Духовной Академии, по преобразовании ее в 1819 году*. СПб., 1863; Серебренников В. *Киевская Академия с половины XVIII века до преобразования ее в 1819 г.* Киев, 1897.

² Знаменский П. В. *Духовные школы в России до реформы 1808 г.* Казань, 1881.

³ Яременко М. *Київські студенти 1738 року: спроба колективної фотографії* // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Т. ССLVI. Львів, 2008. С. 191–215; Его же. *Антропонімія вихованців Києво-Могиланської академії XVIII ст. (про інформативні можливості студентських реєстрів)* // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Т. 19, кн. 1. К., 2009. С. 308–322; Его же. *Річнопосполитська шляхта у Києво-Могиланській академії XVIII ст.* // Соціум. Альманах соціальної історії. К., 2010. Вип. 9. С. 37–55.

ский словарь⁴. Специальных же работ, посвященных тем выходцам из Академии, которые стали студентами Московского университета, нет.

Для данной статьи использовался обширный архивный материал, впервые вводимый в научный оборот. В Российском государственном архиве древних актов [РГАДА] хранится фонд канцелярии Правительствующего Сената (ф. 248), в котором, среди прочего, содержатся дела по Московскому университету, требовавшие решения Сената, в частности реестр решенным делам по университету⁵. В фонде-коллекции «Наука, литература и искусство» РГАДА (ф. 17) хранятся «Всепоподданнейшие рапорты» куратора Василия Евдокимовича Адодурова за 1766–1768 гг. и ведомость Московского университета за 1764 г., в которой, помимо численности, указана сословная принадлежность студентов (д. 41).

В Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова сохранились 15 томов из архива допущенного университета, которые были спасены в 1812 г. профессором Иваном Михайловичем Снегиревым и переданы им в университетскую библиотеку⁶. В составе этих томов — рукописные протоколы Конференции университета (его высшего совещательного органа, в который входили профессора под председательством директора) с 1756 по 1770 г. Документы содержат ценные, хотя, к сожалению, неполные сведения о численности, учебе и социальном составе студентов. В 1960-х гг. эти источники были опубликованы, их подготовку к печати и комментирование выполнила Н. А. Пенчко⁷.

Архив Московского университета за период с 1813 г. хранится в Центральном историческом архиве г. Москвы [ЦИАМ] в фонде канцелярии Московского университета (ф. 418). Здесь представлены личные дела студентов (2-й стол Правления, описи 109–125), фиксирующие их прием в университет, увольнение, отчисление или смерть, перевод на казенное содержание, присвоение канди-

⁴ *Киево-Могилянська Академія в іменах, XVII–XVIII ст.* Енциклопедичне видання. К., 2001.

⁵ РГАДА. Ф. 248, оп. 64, д. 5565.

⁶ ОРК НБ МГУ. 5 Те 2.

⁷ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. М., 1960–1963. Т. 1–3.

датских и докторских степеней, определение учителями в уездные училища или губернские гимназии, а также продление отпусков в связи с болезнью, удержание жалования казеннокоштных студентов за неявку в срок из отпуска и т. п. В ЦИАМ, в делах дворянского собрания (ф. 4), сохранились также документы о службе бывших студентов (они прилагались к делу для доказательства дворянства): формулярные списки, аттестаты, грамоты на чин.

Некоторые сведения о Московском университете этого периода и, в частности, ежегодные отчеты по университету накапливались также в Санкт-Петербурге начиная с создания в 1802 г. Министерства народного просвещения, где они попадали в фонд Департамента народного просвещения (в настоящее время в составе Российского государственного исторического архива: РГИА. Ф. 733, оп. 95).

Кроме того, в фонде Правительствующего Синода сохранились ведомости студентов Киево-Могилянской академии за отдельные годы (для этой статьи использована «Ведомость об обучающихся в Киевской академии» 1793 года⁸). В фонде 1349 РГИА (коллекция формулярных списков чинов гражданского ведомства) хранятся документы с информацией о студентах, находившихся в конце XVIII—XIX в. на статской службе.

Согласно п. 23 «Проекта об учреждении Московского университета» от 12 января 1755 г.,

Всяк желающий в Университете вышним наукам учиться, должен явиться у директора, который прикажет профессорам его экзаменовать, и ежели явится способен к слушанию профессорских лекций, то, записав его в число университетских студентов и показав ему порядок учения, приличный его склонности и будущему состоянию, отослать при письменном виде к тем профессорам, у кого какия лекции слушать имеет⁹.

Тем самым проект, как это было принято в немецких университетах, ориентировался на запись в Московский университет приходящих «со стороны» студентов (в Европе такое зачисление называлось «имматрикуляцией»). Как видно из процитированного параграфа, имматрикуляция в Московский университет, в отличие от западных, должна была быть бесплатной, но зато требовала опре-

⁸ РГИА. Ф. 796, оп. 75, д. 525.

⁹ ПСЗ. Т. 14. № 10346.

деленной проверки знаний. Однако на деле в первые годы существования Московского университета, когда ему не хватало студентов и от университетских властей требовались определенные усилия для их привлечения, последнее условие не соблюдалось столь строго. Как в 1730–1740-е гг. привлекали учеников в Петербургскую Академию наук, так и в 1750-е гг. практиковались прямые переводы учащихся в Московский университет, прежде всего из духовных училищ.

Так, самые первые студенты Московского университета были переведены сюда в соответствии с решением Святейшего Синода от 3 мая 1755 г. Всего тогда было решено перевести 30 человек, и в итоге к концу августа из Славяно-греко-латинской академии, Крутицкой, Новгородской, Псковской, Нижегородской, Смоленской, Троицкой, Белгородской семинарий и Харьковского коллегия было направлено 25 человек. К ним нужно добавить и первого воспитанника Киево-Могилянской академии, ставшего студентом Московского университета, — Антона Любинского¹⁰.

Ученики различных духовных учебных заведений продолжали поступать в университет и в 1756–1758 гг., а в 1759 г. на торжественном акте университета впервые были произведены в студенты выпускники университетской гимназии¹¹, и с этого момента именно она стала основным поставщиком воспитанников. Теперь студенты духовных академий и семинарий сначала переводились в университетскую гимназию, и только потом, спустя некоторое время (в зависимости от успехов), производились в студенты университета.

Воспитанниками духовных учебных заведений были не только первые студенты, в дальнейшем вклад этих училищ в формирование студенчества Московского университета продолжал оставаться весьма заметным. Это относится и к Киево-Могилянской академии, питомцев которой особенно охотно посылали в Московский университет, известный, по словам киевского митрополита Иерофея (Малицкого), «как источник просвещения», который привлекает «внимание всех любителей наук»¹². В частности, в 1760–

¹⁰ См.: Документы и материалы по истории Московского университета. Т. 1. С. 359.

¹¹ «Московские ведомости», 1759, № 34.

¹² Шевырев С. П. *История Императорского Московского университета*. М., 1998 (репринт издания 1855 г.). С. 310.

1770-х гг. в Москве учились такие воспитанники Академии, как Василий Григорьевич Рубан, Владимир Трофимович Золотницкий, Василий Демьянович Санковский (все трое будущие писатели), Александр Раич, Алексей Леонтьевич Лятошевич, Семен Прокофьевич Масюков, Никита Васильевич Дрозд-Бонячевский. Как вспоминал Илья Федорович Тимковский,

Изакадемии каждый год один, два, три, кончившие курсы, выходили в Московский университет. Они списывались с товарищами, и носились об них завидная молва. Дальнейшие, посещая родину, являлись в Киеве, и мы видели славу их¹³.

В 1780 г. в студенты университета были произведены сразу четверо воспитанников Академии: Михаил Иванович Панкевич (будущий профессор Московского университета), братья Антон и Онисим Яковлевичи Травулинские (Тривулинские) и известный мемуарист Михаил Иванович Антоновский. Последний в своих записках вспоминал, как «склонил» членов Дружеского Ученого Общества дозволить

[...] выписать из Киевской Академии, по назначению его, студентов с тем, чтобы они прибыли на иждивение общества сего и на оном же могли продолжать свои науки в Московском университете, получая содержание наравне со студентами казенного содержания сего университета¹⁴.

Дружеское Ученое Общество сложилось на масонской основе вокруг университета в 1782 г. благодаря стараниям Николая Ивановича Новикова и профессора Ивана Григорьевича Шварца (именно кружок товарищей Новикова по Дружескому Ученому Обществу осуществлял выпуск литературных изданий при университете в 1780-е гг.). Общество объединяло более 50 человек, и на его иждивении обучались до тридцати студентов, среди которых будущие митрополиты Серафим (Глаголевский) и Михаил (Десницкий), профессора П. А. Сохацкий, А. А. Прокопович-Антонский и П. И. Страхов. Студенты жили в доме Шварца, получая в год по 100 рублей. В частности, в 1782 г. двадцать человек из 54 произведенных в студенты состояли на иждивении Общества (из них вос-

¹³ Записки Илья Федоровича Тимковского // Русский архив. 1874. Кн. 1, вып. 6. Стб. 1419.

¹⁴ Там же. 1885. Кн. 1, вып. 2. С. 150.

питанников Могиланской академии и других духовных учебных заведений — 14), в 1783 г. — 10 из 36¹⁵, а в 1784 г. на содержании Общества не было ни одного из произведенных в студенты. Правда, в гимназии еще в 1785 г. обучались лица, состоящие на иждивении Общества¹⁶: они были произведены в студенты в 1782—1783 гг., но продолжали учиться в высших (синтаксических) французских и немецких классах (в январе 1786 г. их насчитывалось 15 человек¹⁷).

Именно в 1780-х гг. стали студентами университета такие воспитанники Киевской академии, как Андрей Павлович Лотковский, Михаил Андреевич Петровский, Павел Иванович Скальский, братья Павел и Яков Гродницкие, Степан Павловский, будущие профессора Иван Самойлович Андреевский, Алексей Иванович Данилевский, Фома Иванович Барсук-Мойза, Яков Андреевич Рубан, мемуарист Иван Федорович Сафонович, литераторы Василий Иванович Созонович, Яков Иванович Благодаров, Кассиан Петрович Келембет (брат Тобольского архиепископа Амвросия), а также братья Антон и Михаил Прокоповичи-Антонские (Михаил, вместе с Благодаровым и Келембетом, станет сотрудником новиковского журнала *Покоящийся трудолюбец*, а Антон — ректором Московского университета (1818—1826) и директором университетского Благородного пансиона).

В конце XVIII — начале XIX в. в Московском университете учатся сразу несколько родных братьев Тимковских — Илья (с 1790 г.), Иван (1796), Роман (1800), Василий (1802) и Егор (1806) Федоровичи. В это же время университетскими студентами стали ученики Киевской академии Александр Иванович Могилевский, Марк Яковлевич Якубовский, Иван Петрович Черняев, Михаил Степанович Бранкевич, Михаил Прохорович Болгаревский, Герасим Иванович Лузанов, Андрей Гаврилович Сидорацкий, Яков Семашка, будущие профессора Иван Ипатович Запольский и Василий Павлович Ризенко, а также Михаил Пишнячевский (в монашестве Мефодий, будущий архиепископ, ректор Петербургской Духовной семинарии).

Накануне Отечественной войны 1812 г. в Московском университете получали образование братья Калайдовичи, Константин и

¹⁵ «Московские ведомости». 1782, № 97; 1783, № 55.

¹⁶ Там же. 1785, № 58.

¹⁷ Новиков Н. И. *Избранные сочинения*. М.; Л. 1951. С. 582.

Петр¹⁸, сыновья врача Федора Дмитриевича Калайдовича, служившего в больнице университетского Благородного пансиона и недолгое время бывшего адъюнктом медицинского факультета Казанского университета в период эвакуации Московского университета в 1812 г. Петр станет известен как поэт и лингвист, а Константин — как археограф и археолог, член ученого кружка гр. Николая Петровича Румянцева. Тогда же вместе с Калайдовичами в Москве учились такие воспитанники Киево-Могилянской академии, как Антон Петрович Козлов, Петр Филиппович Лакерда, Петр Маркович Янишевский и будущий профессор Ярославского Демидовского высших наук училища Михаил Игнатьевич Ханенко.

После Отечественной войны 1812 г. мы уже не встречаем известных имен среди поступивших в Московский университет выходцев из Киево-Могилянской академии. Всего с 1813 по 1824 г. стали университетскими студентами только семь воспитанников Академии: Василий Богославский, Иосиф Журавлев, Александр Кушакевич¹⁹, Иосиф Жураковский, Павел Климентович Лавриновский и братья Антон и Федор Новак-Стефановичи.

Что касается социального происхождения произведенных в студенты Московского университета воспитанников Киево-Могилянской академии, то бросается в глаза большой процент среди них дворян, детей старшины, или «малороссийского шляхетства», что сильно отличает состав киевских питомцев от сословного состояния духовных учебных заведений центра и севера России, где дети дворян учились лишь в единичных случаях, в то время как Киевская академия, по словам П. В. Знаменского, «продолжала сохранять свое прежнее значение для Малороссии, значение не столько заведения духовного, сколько общесословного университета»²⁰. Всего удалось

¹⁸ Константин и Петр до поступления в Киево-Могилянскую академию учились в Елецком народном училище, а их братья, росшие уже в Москве (Дмитрий, Иван и Федор), — сразу либо в университетской гимназии, либо в Благородном пансионе.

¹⁹ Кушакевич с 1811 г. обучался в Черниговской семинарии, в 1817 г. поступил в «преждебывшую» Киевскую Академию, а по преобразовании духовных училищ Киевского округа (1817 г.) поступил на низшее отделение Киевской семинарии и окончил полный курс семинарского обучения с получением аттестата со степенью студента. См.: ЦИАМ. Ф. 418, оп. 121, д. 109, л. 1.

²⁰ Знаменский П. В. *Духовные школы в России до реформы 1808 г.* С. 540.

установить сословное происхождение 52 человек, в том числе 32 сыновей старшины и дворян (около 62 %). Если даже принять неизвестное нам происхождение за недворянское, то доля дворянских детей снизится только до 55 %, т. е. все равно будет составлять больше половины. Кроме того, Я. И. Благодаров происходил из польской шляхты (в число дворян, указанное выше, он не включен).

Правда, следует учитывать то, что шляхетское происхождение не всегда удавалось доказать, а также то, что до 1785 г. казацкая старшина еще не была уравнена в правах с российским дворянством. Кроме того, как и у тех, кто только считал свое происхождение благородным, так и у формально причисленных к дворянству родители могли служить не на военной или статской службе, а подвизаться на духовном поприще. Например, указывавшие в послужных списках свое происхождение как дворянское будущие профессора Павел Афанасьевич Сохацкий и А. А. Прокопович-Антонский (а также его брат Михаил) были детьми священника, Г. И. Лузанов — протоиерея, а Павел Романович Гродницкий — дьякона. Тем временем только у 14 человек, т. е. явного меньшинства, зафиксировано происхождение из духовного звания.

Среди других спорных случаев можно вспомнить Ф. И. Барсука-Моисеева, который в формулярных списках указывал свое происхождение «из дворян»²¹, хотя был выходцем из крещеных евреев и ни к какому дворянскому роду, разумеется, не принадлежал, а право на получение потомственного дворянства обрел только с получением чина надворного советника в 1801 г. Другой пример — штаб-лекарь Ф. Д. Калайдович, отец двух вышеупомянутых студентов Академии: по семейному преданию, он происходил из княжеского рода Далмации, однако в графе формулярного списка, где указывалось происхождение, он значится «из купцов»²². Правда, в 1808 г. Калайдович будет произведен в чин коллежского асессора, а впоследствии и надворного советника, что позволит получить потомственное дворянство ему и его детям, но последние станут студентами еще до этого, а потому в процент дворян, указанный выше, они также не включены. В делопроизводственной практике для детей чиновников, получивших личное дворянство (т. е. чины

²¹ РГИА. Ф. 1349, оп. 6, д. 2097; ф. 733, оп. 28, д. 138.

²² ЦИАМ. Ф. 4, оп. 10, д. 873, л. 2.

с 14-го по 9-й включительно на гражданской службе), использовалось наименование «овер-офицерские дети», а для получивших чины, начиная с коллежского асессора (8-й ранг), но не успевших оформить причисление к дворянской корпорации, — «штаб-офицерские дети». Кроме Калайдовичей, к этой категории можно отнести А. Г. Сидорацкого, сына штаб-лекаря.

Наконец, М. П. Болгаревский обозначил в формулярном списке свой предписанный статус как «Малороссийской Черниговской губернии поселянин»²³, а П. Ф. Лакерда был сыном «имени того киевского гражданина»²⁴ (кстати, его отец также учился в Киевской академии).

Кроме социального происхождения, имеются данные о последующей судьбе воспитанников Академии, обучавшихся в Москве. Двенадцать из них стали профессорами Московского университета (И. С. Андреевский, Ф. И. Барсук-Моисеев, А. И. Данилевский, М. И. Панкевич, А. А. Прокопович-Антонский, В. П. Ризенко, П. А. Сохацкий, Р. Ф. Тимковский), Казанского (И. И. Запольский) и Харьковского (И. Ф. Тимковский) университетов, а также Ярославского Демидовского училища высших наук (М. И. Ханенко) и Черноморского корабельного училища в Николаеве (Я. А. Рубан). М. П. Болгаревский и А. Г. Сидорацкий преподавали в звании адъюнктов медицинского факультета Харьковского университета и хирургической клиники Московского университета соответственно; еще трое также стали медиками (лекарями). Преподавателями были и многие другие. Например, М. С. Бранкевич в звании магистра служил в Смоленской гимназии, Иосиф Иванович Журавковский преподавал в университетской гимназии в Москве, Антон Любинский — в Казанской гимназии, В. Т. Золотницкий — в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, П. Ф. Калайдович — в школе при Императорском Московском театре, московском Александровском училище и в училище ордена Св. Екатерины.

Некоторые воспитанники сделали карьеру на гражданской службе: В. Ф. Тимковский стал бессарабским губернатором, И. Ф. Сафонович — подольским вице-губернатором, А. И. Могилевский, М. А. Петровский, В. И. Созонович достигли генераль-

²³ См.: РГИА. Ф. 1349, оп. 4 (1813 год), д. 56.

²⁴ ЦИАМ. Ф. 418, оп. 114, д. 427, л. 40-а.

ского чина — действительного статского советника (4-й ранг по Табели о рангах), Е. Ф. Тимковский, И. П. Черняев, М. Я. Якубовский — тайного советника (3-й ранг).

Итого, с момента основания в 1755 г. Московского университета по первую четверть XIX в. в нем училось около 60 студентов Киево-Могилянской академии. Особенно выделяются 1780-е гг., когда действовало Дружеское Ученое Общество, и многие студенты Академии смогли получить университетское образование на его содержании. Немалая часть воспитанников Академии, окончив университетский курс, прославилась на научной стезе, стала профессорами, преподавала в университетах, гимназиях, кадетских корпусах и других учебных заведениях.

Известно об участии двух студентов в Отечественной войне 1812 г. А. Г. Сидорацкий, получив в 1812 г. степень доктора медицины и хирургии, в том же году начал службу в ополчении, во 2-м казачьем пехотном полку «без всякого жалованья». До смерти он служил в звании адъютанта хирургической клиники Московского университета²⁵. Константин Калайдович 2 августа 1812 г. поступил в Московское ополчение, был переименован из кандидатов в подпоручики. После войны он «остался без всяких средств; все его имущество состояло в одной рубашке и мундире; ему было 22 года от роду, но здоровье было уже надломлено». В 1813 г. он снова определится в университет и впоследствии станет известен своими находками древнерусских рукописей²⁶.

Другие служили на гражданской службе в Министерстве иностранных дел (Н. В. Дрозд-Бонячевский и др.), в центральном и местном управлении, причем некоторые «достигли чинов известных», но главное, конечно, не в этом. Университет и Академия не только давали образование, они определенным образом *воспитывали* людей, просвещая их светом истины, что накладывало отпечаток на всю их дальнейшую деятельность, где бы и в каком звании они ни служили.

²⁵ См.: РГИА. Ф. 733, оп. 99, д. 31 (О выпуске студентов в лекари, в военную службу, 1812); Ф. 1349, оп. 4 (1814 год), д. 16 (формулярный список, 1814); РБС.

²⁶ См.: ЦИАМ. Ф. 418, оп. 109, д. 931 (Об определении вторично в университетскую службу, 1813); РГИА. Ф. 777, оп. 1, д. 714 (формулярный список 1827 года); РБС; Алухтин В. Р. *Народная военная сила*. М., 1912; Бессонов П. К. *Ф. Калайдович: Биографический очерк*. М., 1862; Ширяев Н. Л. *Памяти К. Ф. Калайдовича* // Исторический вестник. 1893. Т. 51, № 1. С. 257–260.